

Герман Киселёв

Подарок

16+

Герман Киселёв

Подарок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63705036

SelfPub; 2021

Аннотация

Рассказ. Короткая житейская история. Взрослым о детях и о них самих. Воспитатель детского сада рассказывает своему мужу, что не может найти подход к "трудному ребёнку" своей группы.

Герман Киселёв

Подарок

«Наши детские сады, это – концлагеря для детей».

Из лекции на факультете педагогики ПГПУ.

В любой группе любого детского сада обязательно найдется хотя бы один ребенок из тех, кого сами воспитатели называют, кажется, «девиантными». Это такой ребенок, от которого голова болит, у воспитателя, больше чем от всех остальных детей в группе. Это вам любая воспитательница детского сада скажет. Моя жена – воспитатель детского сада.

Одно время, самую большую её головную боль, у нее на работе, звали Сережей. Постоянно драться, отбирать игрушки, обзывать матом, оторвать и сломать всё что ломается, на прогулке швырять камнями в прохожих за оградой, или устраивать побег из садика, угнав чужой самокат, – это всё про него. Всё, что только может придумать и сделать плохого шестилетний пацан, любую пакость, всё это он делал. Тот Сережа для меня был тогда почти как член семьи, так много я знал о нем – потому что жена, придя домой со смены, прямо с порога начинала мне рассказывать, что он на этот раз учудил. И разговаривали мы с ней о нем очень часто, потому что всё время она его вспоминала, по любому поводу, даже и в выходные, когда любой человек испытывает нормальное

желание о своей работе просто забыть.

По тому, как ведет себя ребенок в группе, любая хоть немного опытная воспитательница сразу же скажет, что у него в семье в данный момент происходит. Как относятся друг к другу родители – любят, или безразличны, всё у них хорошо, или они в ссоре. Пьет ли кто-то из них, бьет ли отец мать, всё это, оказывается, сразу на ребенке отражается, и любая воспитательница, привыкшая следить за детьми, читает всё это, как открытую книгу. Так что, имейте в виду, когда в следующий раз поведете свое чадо в садик, – эта женщина, которой Вы и сказали только: «Доброе утро!», и сразу забыли о ней до вечера, и вечером, забирая ребенка, только что парой слов перекинетесь, чтобы снова опять забыть, потому что привыкли воспринимать её как нечто должное, а ведь она знает о Вас всё!

У того Сережи пила мама. Крепко пила. Мама работала продавщицей в киоске на остановке. Не знаю уж, какой была её жизнь. Папа у Сережи был серьезный человек. Папа всю жизнь по тюрьмам. Когда папа в очередной раз откинулся с зоны, его сын, первое время, ходил по группе, и рассуждал о Боге и смысле жизни. Потом, спустя пару недель, придя в садик, начинал с утра и с порога обкладывать всех «козлами», «петухами», и прочей лагерной «феней». Ну, всё понятно – папа уже освоился на воле, обвыкся, желание изменить свою жизнь к лучшему как-то естественным образом прошло, и всё вернулось на круги своя.

В общем, никак моя жена не могла с ним справиться. С этим Сережей. Как ни пыталась, ни кнутом, ни пряником, ни добротой, ни уговорами, ни наказаниями. Ну, стоит он там, в углу, смотрит на тебя глазами котенка из мультика про Шрека, и обещает, что никогда, никогда, никогда, никогда, больше так не будет. И что? Выпустишь – через пять минут всё по-прежнему. Однажды, видимо отчаявшись, она даже меня попросила на него повлиять. «Ничего не могу с ним поделаться. Может, ты придешь и поговоришь с ним, как мужчина с мужчиной? Может, это подействует?». Ну а я что? Я ж в душе великий педагог, Макаренко, что мне стоит шестилетнего мальчишку наставить на путь истинный?!

В назначенный день и час, я пришел к ней в садик, она вывела его ко мне из группы, и оставила нас вдвоем в коридоре. Минут пятнадцать я рассказывал ему, как должен вести себя хороший, уважающий себя мальчик, будущий мужчина, я говорил очень серьезно, спокойно и доброжелательно, Серега всё это время слушал меня, очень внимательно разглядывая носки своих сандалий, кивал головой, соглашаясь, и на всё отвечал: «Да... Да... Да...». В общем, расстались мы с ним практически друзьями. Но уже к вечеру, великий педагог во мне умер, не успев родиться, потому что, как там у Булгакова? – «Ничего валерьянка не помогла». Когда жена пришла домой, я спросил её: «Ну, как?», а она только рукой махнула: «Всё по-прежнему...».

Потом, однажды случилась на самом деле плохая вещь.

Она его ударила. Не выдержала, сорвалась. Опять в очередной раз он начал безобразничать, и моя жена в сердцах, пнула его под зад. Да нет, не сильно, конечно. Сама потом очень переживала из-за этого. Даже не столько из-за того, что её могут наказать за это (никто, кстати, и не узнал), сколько понимала, что поступила очень плохо. Нельзя было так делать.

Однажды зимой, в канун нового года, мы с ней отправились вечером в большой поход по магазинам – закупать подарки и продукты к праздничному столу. Мы бродили по нижнему этажу гипермаркета, когда вдруг, ни с того, ни с сего, она мне сказала: «Я хочу купить ему подарок». «Кому?» – не понял я. «Ну, Сереже Б...у» – ответила жена. «Хочу купить ему какую-нибудь игрушку, просто маленькую игрушку, пусть недорогую, и поздравить его с Новым Годом. Много ли он хорошего в своей жизни видел? Может, ему вообще больше никто ничего на новый год и не подарит».

Ну, надо – так надо. Если есть возможность заглушить в себе чувство вины, лучше её использовать, по себе знаю. Нет, мне-то, если честно, всё это было «по барабану» – поскорее купить, отвязаться, да и пойти дальше по своим делам. А для неё это было важно. Мы пошли на второй этаж, в отдел игрушек. Стоя у витрин, со всем этим картонно-пластмассовым разноцветным великолепием, она долго не могла ничего выбрать, и в конце концов, спросила моего совета. Ну, я попытался «включить в себе пацана» – чего бы мне хотелось, шестилетнему? Был там, на витрине один танк. Ма-

ленькая пластиковая игрушка, танчик, зеленый, с пушкой и резиновыми гусеницами. Китайская безделушка, но сделан качественно – у него гусеницы крутятся, и башня поворачивается, и я сказал: «Вот, бери это, по-моему, как раз ему подойдет». «Дорого» – ответила жена, взглянув на ценник. «Да бери» – сказал я ей, «Этот пацан, он тебе дороже обходится». «Тоже – верно!» – ответила мне она.

Когда в последний день перед новогодними каникулами дети пришли в садик, моя жена, во время тихого часа, после того как уложила всех по кроваткам, вывела этого Сережу из спальни в группу. Она поздравила его с наступающим Новым Годом, и подарила ему свой подарок. И попросила у него прощения, за то, что тогда его ударила. Потом, дома, она рассказала мне: «Видел бы ты его глаза! Было такое чувство, что у человека просто весь мир перевернулся». Весь тихий час Сережа пролежал, не выпуская из рук этого танка, разглядывал со всех сторон, и играл с ним.

После нового года, после всех этих длинных праздников, когда дети снова пришли в садик, у моей жены на работе были две недели спокойной жизни – Серега был просто шелковый. Прямо не узнать человека. Но потом ей в группу перевели нового мальчика, такого же, как Сережа, мальчика, которому, возможно, не подарили такого же танка. Глядя на этого мальчика, и Серега взялся за старое. И пошло всё по-прежнему.

Это была подготовительная группа. Следующей осенью,

первого сентября, Серега пошел в школу. Почему то я не удивился, когда узнал, что уже второго сентября он устроил локальный «всемирный потоп» в школьном туалете. Но он умудрился проучиться в первом классе почти целый месяц, прежде чем из той школы его выгнали. Это – последнее, что я о нем слышал.

Иногда я вспоминаю о нем. И о той игрушке, которую мы тогда для него купили. Маленький пластмассовый танк, зеленый, с резиновыми гусеницами и поворачивающейся башней. Я всё пытаюсь понять – что же тогда сделала моя жена? Она просто случайно купила себе две недели спокойной жизни, или она попыталась сказать человеку, что наш мир, он не обязательно должен быть таким, тем миром, с которым мы смирились. И что между людьми могут быть и другие отношения? Я не знаю.

Даже представить себе не могу, что теперь с тем Сережей, как сложилась его жизнь. Сейчас ему уже примерно двадцать лет. И он может жить где-то рядом с нами. Проходить мимо нас по улицам. Видеть нас. Каждого из нас. Любого из нас. Как Вам это, не страшно?

2007.